

тий III, хотя и сохраняет коварно-угрожающий тон, но пишет так, словно еще рассчитывает на „благоразумную“ уступчивость со стороны Алексея III, верит в возможность удовлетворения последним папских требований относительно церковной „унии“ и тем самым — мирного разрешения конфликта Запада с Византией. „Многие утверждают, — пишет Иннокентий III, — что мы должны отдать предпочтение такого рода обещанию (царевича Алексея. — *М. Э.*), ибо греческая церковь не подчиняется апостольскому престолу“¹. Он лицемерно заявляет Алексею III, что позаботился о том, чтобы проявить свою любовь к нему на деле (*nos dilectionem quam ad te habemus in opere demonstrare curavimus*) и на этом „основании“ уговаривает и Алексея III ответить ему не словами, а делом (*operibus et non verbis studeas respondere*)².

Но все это со стороны папы было лишь коварной игрой. Он не верил в уступчивость Алексея III, который даже в своем последнем „униженном“ письме (от середины 1202 г.)³ не считал возможным хотя бы обмолвиться о каких-либо уступках Риму. Папа уже сговорился с теми, от кого непосредственно зависело дальнейшее течение крестового похода. Его угрозы и требования о подчинении Алексея III теперь уже не были рассчитаны на какой-либо реальный эффект в смысле уступок со стороны последнего. Папа стремился лишь ввести в заблуждение византийского императора — и тем самым облегчить предприятие крестоносцев против Византии.

Именно с этой целью Иннокентий III в своем письме к Алексею III умышленно представлял положение таким образом, что будто от него, папы, зависит всё, — зная, что на самом деле судьба Константинополя целиком в руках тех феодальных сил Запада, в сделку с которыми он вступил. Так, папа пишет Алексею III, что вожди крестоносцев в ответ на предложения послов Филиппа Швабского о помощи царевичу, будто бы заявили, что они „не могут и не должны в столь важном деле действовать без нашего совета и соизволения“: по словам Иннокентия III, они будто бы изъявили намерение „посоветоваться с нами“ (*nos consulere volebant*) и для этого направили в Рим легата Петра Капуанского⁴.

Ложь папы, однако, без труда изобличается показаниями хроники Виллардуэна⁵ (который ничего не говорит о том, что бароны пытались получить через посредство Петра Капуанского санкцию папы на поход против Константинополя) и „Деяний Иннокентия III“, а также данными других писем самого Иннокентия III. В действительности, легат отправился в Рим в октябре 1202 г., чтобы довести до сведения папы „задарский проект“, и притом — после оскорблений, нанесенных ему венецианцами⁶.

В заключение своего лживого письма Иннокентий III, принимая позу доброжелателя Византии, с обычной цветистостью слога рекомендовал Алексею III быть „благоразумным“ и всеми силами стараться „потушить огонь, пока он еще в отдалении, а не поддерживать его, чтобы он как-нибудь не смог перекинуться в твои земли (*id deberes studiosissime procurare, ut ignem in remotis partibus extingueres, non*

¹ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

² Ibid.

³ См. выше, стр. 167.

⁴ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

⁵ Villehardouin. La conquête de Constantinople, XV, p. 88.

⁶ Gesta Innoc. III, § 85. Cp. Epist. Innoc. III, lib. VII, № 18.